

ТИРЗА

АРНОН ГРЮНБЕРГ

ТИРЗА

Пара — это тайный заговор в поисках преступления.
Секс зачастую ближайшее из того, что можно совершить.

Адам Филипс

I

Квартплата

Йорген Хофмейстер готовил у себя на кухне тунца к празднику.левой рукой он держал сырую рыбину, а правой ловко орудовал ножом, как его учили на курсах «Готовим сами суши и сашими», на которые они с супругой ходили пять лет назад. Главное, не давить на нож слишком сильно, вот в чем секрет.

Кухонная дверь была полуоткрыта. Наступила настоящая летняя жара, как и мечтала Тирза. Уже несколько дней она так пристально следила за прогнозом, как будто именно от погоды зависел успех ее долгожданной вечеринки.

Совсем скоро сад будет оккупирован гостями. Они затопчут растения, рассядутся на деревянной лестнице, ведущей в гостиную, по-хозяйски развалятся на деревянных стульях, которые Хофмейстер купил, когда только переехал в этот дом. Кто-то доберется даже до сарайчика, где Хофмейстер уже находил после вечеринки пустые пивные бутылки, стаканы с остатками вина, составленные возле газонкосилки, бутылки с экзотическими этикетками возле бензопилы, которой он обрезал яблони весной и осенью. Кем-то забытый нетронутый пакет с чипсами — Хофмейстер съел их однажды утром, о чем-то глубоко задумавшись.

Тирза часто устраивала вечеринки, но в этот раз все было по-другому. Как и человеческая жизнь, праздники могут складываться крайне удачно или не складываться вовсе.

И хотя Тирза ничего такого не говорила, Хофмейстер чувствовал, что от этого праздника зависит очень многое. Тирза, его младшая дочь, его самый удачный ребенок. Она получилась такой прекрасной и внешне, и внутренне.

Хофмейстер закатал рукава рубашки и, чтобы не настаивать пятен, надел фартук, который купил когда-то в подарок на День матери. Но даже так он выглядел достаточно мужественно. Он не брился уже шесть дней. Не было времени. Как только он просыпался, его голову тут же заполняли мысли, которых раньше там и в помине не было, по крайней мере в таком количестве: планы на будущее, воспоминания о детях, когда они только учились ползать, идеи, которые на рассвете всегда казались гениальными. Он непременно побреется. Он будет солидным и обаятельным. Именно таким он предстанет перед гостями: человек, который не зря прожил жизнь.

Он будет обходить гостей с сашими и суши, искусно разложенными на подносе, специально приобретенном по такому случаю в дорогом японском магазине. Пара слов здесь, несколько фразочек там, кому-то мимолетом: «Попробуйте каракатицу». Понимающий отец, который никому не мешает, вот каким он будет сегодня. Незаметным. Секрет успешного родителя: вовремя уйти в тень. Родительская любовь — жертва, которую приносят молча. Никто ничего не заметит. По нему ничего и не скажешь. Кто-то будет поздравлять его с отличными оценками Тирзы, единственный приглашенный преподаватель непременно поинтересуется, чем Тирза собирается заниматься дальше, а он ответит с подносом в руках: «Решила немного посмотреть мир. Отправляется путешествовать. Намибия. Южная Африка. Ботсвана. И как только вернется, сразу пойдет учиться в университет». Он предстанет идеальным хозяином на этом празднике, человеком, который все замечает, словно у него шесть пар глаз. Он будет не только приносить еду и подливать напитки, но и следить, чтобы никто не заску-

чал и не почувствовал себя одиноким. Всех, кто загрустит в одиночестве с бокалом в руках и суши, Хофмейстер будет развлекать лично. Всем самым застенчивым гостям праздника он составит компанию. А еще они будут танцевать. Непременно танцевать.

Хофмейстер зачерпнул из ведерка пригоршню теплого риса, сжал его в ладони и стал рассматривать дверной косяк, как будто никогда раньше не готовил за этим столом. Он разглядел отслоившуюся краску, темное пятно на обоях рядом с наличником, куда однажды угодил ботинок, который Тирза швырнула ему в голову. И еще крикнула: «Козел!» Или это было не в тот раз, он уже не помнил. Хорошо еще, что не разбила окно.

Он посмотрел на рис у себя на ладони. У повара в японском ресторане всегда получалось лучше. Суши Хофмейстера были бесформенными. Его вдруг удивил собственный азарт, с которым он мял вареный рис, как его иногда удивляли глупости, которые он совершал в прошлом. Хоть они и были вполне безобидными.

Он бросил еще один взгляд на облупившуюся краску, и она напомнила ему собственную кожу. Ему прописали специальную мазь, но вот уже несколько дней он забывал ею воспользоваться. С рисом в руке он вдруг подумал, а не продать ли ему этот дом, его собственный дом. Сначала он не принял эту мысль всерьез, как не принимаешь всерьез то, что никогда не станет реальностью. Например, завещать заморозить себя после смерти, а через сто лет проснуться. Но уверенность в нем все росла. Ведь время пришло. Как долго еще ждать? Да и чего?

Раньше он немедленно прогнал бы подобные мысли. Его дом был его гордостью. Яблоня, собственноручно посаженная, была его третьим ребенком. Конечно, он иногда думал о том, что жизнь может прижать его к стенке и вынудить избавиться от дома и яблони, но в такие моменты он тут же говорил себе, что это абсолютно невероятно. Противоесте-

ственно. Куда ему перевезти свою семью? Яблоню уже не выкопаешь. Он прирос к этому дому, ко всему в нем. И когда у друзей и знакомых не было других поводов гордиться Хофмейстером, а такие моменты случались время от времени, всегда находилась кто-то, кто говорил: «Зато Йорген живет с размахом».

С размахом. Солидно. Это было важно для Хофмейстера. Амбиции должны быть в чем-то реализованы. Для него это был адрес. Его охватывала почти одержимость, когда он называл свою улицу. Как будто его личность, всё, чем он был, сжалось в это название, номер дома и индекс. Даже больше, чем его фамилия, профессия или докторская степень, которую он иногда добавлял к фамилии, никого при этом особенно не обманывая, — его индекс говорил о том, кем Хофмейстер был и кем хотел быть.

Теперь ему не нужно было жить с размахом. И понимание, что в этом больше нет необходимости, пришло к нему словно спасение в тот момент, когда он задрапировал неровный комок риса куском тунца.

Ему сообщили, что он уже слишком стар, чтобы его уволить. А когда ты слишком стар, чтобы тебя уволили, то ты слишком стар и для того, чтобы жить с размахом. Когда дом престарелых маячит на горизонте и до него остался какой-то десяток лет, какая уж тут разница. Некоторые из его ровесников уже впадали в маразм. Хотя они, конечно, хорошенько выпивали, не без этого.

Прочь из этого дома, из этого района, из этого города, вот что приходило ему на ум, когда он пытался найти смысл слова «решение». На свете есть люди, которые просыпаются с мыслью: так больше не может продолжаться, должно быть какое-то решение. Хофмейстер был одним из них.

Дети вылетели из родительского гнезда или собирались вот-вот из него вылететь, его работа превратилась в абсолютно непродуктивную деятельность исключительно ради престижа, в прожигание времени. Он вполне мог отпра-

виться на Восток. Раньше, когда он изучал немецкий и имел настолько четкое мнение о поэтах-экспрессионистах, будто был знаком с ними лично, он собирался переехать в Берлин и написать большую книгу об искусстве поэзии экспрессионистов. Сейчас он вполне мог этим заняться. Писать книгу никогда не поздно.

Он скучал бы по своему солидному индексу и эффекту, который производил на некоторых людей его адрес. К такому адресу прилагался вывод об успешности. Запах успеха. Но теперь, когда младшая дочь собралась путешествовать по Африке, Хофмейстеру придется попрощаться с индексом. Больше не нужно ходить на родительские собрания и пожимать руки учителям. На кого ему теперь производить впечатление?

Надо признать, к этому месту его сейчас привязывали лишь трогательные воспоминания и страх перемен. А поскольку Хофмейстер оказался в той точке своей жизни, когда человеку нужны только наличные и план побега, выход из положения, он решил навсегда прогнать от себя сентиментальность и страх.

Он снова с яростью принялся резать тунца. Так, как делал это повар-сушист: цак, цак, цак. Рыба должна принять нож как друга. Он положил в рот кусочек свежей мякоти. Рядом креветки на блюдечке дожидались своего риса.

Этим утром Хофмейстер ездил в пригород Амстердама, Димен, на оптовый склад, где покупали продукты все рестораны. Вкус сырого тунца на языке приятно удивил Хофмейстера. Свежесть. Самое главное в сашими.

Его супруга зашла на кухню в халате и шлепанцах.

— Иби звонила? — спросила она.

Хофмейстер все еще не привык к ее присутствию. Она ушла от него почти три года назад. Целых три года назад. Курсы «Готовим сами суши и сашими» им тогда не помогли.

Но, вопреки всем ожиданиям, она вернулась. Шесть дней назад. Под вечер, около семи.